

Научная статья

УДК 316.7:005.95

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-6-204-212

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Галина Евгеньевна Снежко

Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия

nova@161.ru, ORCID: 0000-0002-1908-0691,

AuthorID РИНЦ: 1025756, SPIN-код: 6247-6890

Аннотация. *Целью исследования* является концепция репрезентативной культуры как основы социологии культуры.

Методологическую базу исследования представляет собой подход, объединяющий смысл и темпоральность, поскольку время — это форма не только объективно протекающих процессов, но и форма, выражающая наши представления о них через память (воспоминание о прошлом), созерцание настоящего и предвосхищение будущего. Устанавливается связь интересов и ценностей человека со временем, которое он отводит на различные действия и активности. В связи с этим исследуются темпоральные характеристики репрезентативной культуры.

Результаты исследования. Полистилизм современной культуры является репрезентацией (осознанной или неосознанной) в жизненных практиках и жизненных стилях ценностных ориентаций на смысловую модальность времени: на настоящее, прошлое или будущее.

Перспективу исследования составляет изучение конкретных инструментов и аспектов, что является, своего рода, отражением тенденций нынешнего времени, которые в ходе развития общества ожидают изменение жизненного стиля в различных социумах.

Ключевые слова: социология культуры, репрезентативная культура, полистилизм, время, смысл, темпоральность

Для цитирования: Снежко Г.Е. Темпоральность репрезентативной культуры // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 6. С. 204–212. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-6-204-212>.

Original article

THE TEMPORALITY OF REPRESENTATIVE CULTURE

Galina E. Snezhko

Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia

nova@161.ru, ORCID: 0000-0002-1908-0691,

AuthorID RSCI: 1025756, SPIN-code: 6247-6890

Abstract. *The aim of the research is the concept of representative culture as the basis of the sociology of culture.*

The methodological basis of the research is an approach that combines meaning and temporality, since time is not only a form of objectively occurring processes, but also a form that expresses our ideas about them through memory (remembering the past), contemplation of the present and anticipation of the future. The connection of a person's interests and values with the time that he allocates to various actions and activities is established. In this regard, the temporal characteristics of representative culture are investigated.

The results of the study. Polystylism of modern culture is a representation (conscious or unconscious) in life practices and life styles of value orientations on the semantic modality of time: the present, past or future.

The perspective of the research is the study of specific tools and aspects, which is, in a way, a reflection of the trends of the present time, which in the course of the development of society expect a change in lifestyle in various societies.

Keywords: *sociology of culture, representative culture, polystylism, time, meaning, temporality*

For citation: *Snezhko G. E. The temporality of representative culture // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(6): 204–212. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-6-204-212>.*

Введение. В настоящее время социокультурная динамика развития общества претерпела серьёзные изменения. Эта ситуация фиксируется как в политической, так и в экономической сферах общества, в области международных отношений, в формировании многополярного мира эпохи постсовременности. Данная тенденция в значительной степени связана с неустойчивостью, образованием синергичных буферных зон, размыванием границ, что зафиксировал ещё С. Бауман, назвав такое состояние «текучей современностью» [1]. Это обстоятельство оказывает мощное воздействие как на новые прочтения содержательных методологических моментов классических теорий социологии, перманентно возобновляющийся диалог с общепризнанными теоретическими авторитетами, так и на возникновение новых областей социологического знания,

имеющих межпредметный и фундаментально иной характер.

Основная часть. В настоящее время возникают новые термины, понятия, в которых переосмысливаются традиционные наработки учёных-гуманитариев. Об этом недвусмысленно заявил в свое время Э. Гидденс, который отметил, что сам термин «социология» уже не является адекватным новому повороту в развитии современных исследований, и он сам использует этот достаточно «скомпрометировавший себя термин» только потому, что тот широко используется в современной науке. Эти столь революционные заявления Э. Гидденс обнародовал в ходе критики так называемого «ортодоксального консенсуса», то есть суммы теорий, связанных с превалированием изучения прежде всего различных устоявшихся структур общества [17, с. 241–

242]. Стоит обратить внимание на то, что данный автор отнюдь не является пионером в критическом анализе основ современной социологической науки. Достаточно привести пример П. Сорокина, который писал о том, что социологи предпочитают исследовать «материально-зримую» структуру общества вне её содержательно-смысловой культурной сферы. Такой взгляд, характерный для большинства социологов, можно уподобить методологической позиции учёного-ботаника, который изучает лишь верхнюю часть дерева вне его корневой основы [11].

Стоит отметить, что современная противоречивость социологического подхода во многом продуцирована исходными, несколько амбивалентными положениями, который выдвинул основатель этой науки — Огюст Конт ещё в XIX столетии. С одной стороны, он говорил о существовании независимой от сознания человека социальной реальности, воплощённой в том, что потом стали называть «твёрдыми социальными фактами». Но, с другой стороны, им же была выдвинута мысль, что «идеи управляют миром», в соответствии с чем им выстраивалась история человечества (от теологического этапа до позитивного) [6].

Социологический объективизм, начиная с прошлого века, стал размываться в работах социальных конструктивистов, символических интеракционистов, этнометодологов и т.д. В первую очередь, в сферу социологии активно стали проникать подходы из наук, изучающих культуру: культурной и социальной антропологии, культурологии, этнических исследований и т.д. Именно целостное представление о культуре давало возможность проблематизировать исследовательский интерес к жизни индивида, его субъективных особенностей, выстраивании жизненных стратегий, общей непредсказуемости человеческого существования. В ряде работ культура по своей методологической и научной ценности стала приближаться к понятию общества. Кроме возникновения новых предметных областей, таких как микросоциологическое изучение жизни человека, его существования в сфере экономических и политических институтов, вопросов социальной идентичности и т.д., возникает сравнительно молодая фундаментальная область социологических исследований — социология куль-

туры. И хотя сегодня исследователи всё ещё спорят по поводу сильных и слабых сторон «культурного поворота» в социологии, обсуждают «слабую» и «сильную» программы социологического анализа культуры [2], это не отменяет необходимости и возможности использовать методологический инструментарий социологии культуры для выявления способов и детерминант выстраивания того, что обладает наибольшей значимостью для индивида — его собственной жизни. Особенно актуальна эта проблема в современных условиях стремительно меняющегося социума для молодых людей, ещё только «нащупывающих» своё место в той системе социальных связей и отношений, которая сама находится в стадии становления. Это проектирование будущего своей жизни в условиях непредсказуемого будущего всего общества актуализирует проблему фактора времени как одной из детерминант жизненной стратегии и жизненных стилей молодёжи, поэтому основной задачей данной статьи является определение такой методологической установки в рамках современной социологии культуры, исходя из которой можно адекватно изучать специфику жизненных стилей, используя темпоральные характеристики репрезентативной культуры.

Важную роль для решения данной задачи сыграла концепция известного канадского философа Чарльза Тейлора, который разделил современные гуманитарные исследования на «культурные» и «акультурные» теории. Последние, исследуя конкретные исторические процессы, основываются на детерминистской позиции, которая не учитывает то обстоятельство, что одни и те же социальные процессы по-разному осуществляются в различных культурных средах. Здесь упор делается на изучение общей модели развития исторического процесса вне представления о том, что возможны разные варианты его реализации. А время как инструмент анализа используется в его количественной модальности, то есть исторические события исчисляются с помощью относительной хронологии, календарного летоисчисления на основе астрономического времени. «Культурные» же теории фокусируют своё внимание на эвристической возможности инновизации общества на основе обновления развития культурных ценностей,

идеалов, формирующих новую социальную реальность¹. Блестящим примером такого рода подхода являлась фундаментальная работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», где он показывает, что в процессе становления и развития капиталистического общества, рыночной экономики основополагающую роль играют не только развитие производительных сил и производственных отношений, но и факторы религиозно-культурного характера [4]. Соответственно, время как инструмент анализа в «культурных» теориях используется в его качественной модальности, когда, например, устанавливаются маркирующие события: «... некое событие оставляет метку на своём времени» [8, с. 32]. Другими словами, время здесь не просто «протекает», а исследователь не просто замечает дату происходящих событий в календаре, а фиксирует социальное время как «источник постоянного воздействия и устойчивых образцов» [8, с. 32]. В силу этого «логический статус» (т.е. смысловое содержание) социального действия сопровождается и «темпоральным статусом» (как проявляющегося и исчезающего события).

Таким образом, современное прочтение социологами взаимоотношений между культурой и обществом всё более склоняется к идее о том, что основные изменения в повседневной жизни, в стратегиях поведения россиян тесно связаны не только с экономической и политической обстановкой, но и с культурными ориентациями и изменениями, обладающими темпоральным статусом. Это «в решающей мере — культурная проблема» [9, с. 294].

В наиболее адекватной форме эта идея была разработана культур-социологической теорией Ф. Тенбрука [12]. Последний критически относится к социальным наукам, исходящим из идеала «объективности» и «научности» знания об обществе, основанного на отождествлении методологии естественнонаучных и социогуманитарных исследований. Подобная традиция, заметим, идущая ещё с XIX века, когда всеобщему осмеянию и критике подвергались гуманитарные дисциплины, а образцом научного исследования являлись естественнонаучные

теории, до настоящего времени оказалась непреодоленной. Мало того, со времён Ч. Сноу, заговорившего о «двух культурах» [10], данное противостояние ещё более обострилось. В обществе же, как показал ещё М. Вебер, важно восприятие, истолкование, интерпретация значения любого социального факта. Здесь нам нужно исходить из «трансцендентальной предпосылки любой науки о культуре», заключающейся, по мнению М. Вебера, в том, что мы являемся, прежде всего, субъектами культуры, которые занимают некоторую позицию по отношению к окружающему миру и придают ему определённый смысл [3, с. 379]. Смысл, добавим мы, постоянно уточняющийся, поскольку любое человеческое действие потенциально способно повлечь за собой последствия, которых актор не ожидал, и в результате он может обнаружить значения, выходящие за рамки данного момента: «... наши действия “убегают” от нас и приводят к последствиям, которые мы не намеревались произвести» [8, с. 32]. Отсюда столь важное значение имеет проектирование своего жизненного пути, определение собственной жизненной стратегии и выстраивание индивидуального стиля жизни. Собственно, субъективная культура включает в себя то, как мы воспринимаем самих себя, оцениваем общественно-значимые реалии, намечаем свой жизненный путь [16].

По мнению Ф. Тенбрука, культура, прежде всего, является общественным фактом, ибо она продуцирует смыслы, значения, идеи, которые фактически признаются через их реальную действенность в жизни человека и общества. Культура не есть нечто заоблачное, находящееся вне и над нашим реальным бытием. Культура — это то, что действует, тем самым именно она является социальным фактом. Недействующей культуры нет. Социальное и культурное, по Ф. Тенбруку, — две стороны одной медали. Иначе говоря, различные методологические ракурсы рассмотрения дают нам возможность выявить как социальную структуру действия, так и её смысловую, ценностную, возбуждающую эти действия наполненность. С этой точки зрения, культура не есть некий пассивный отпечаток социаль-

¹ Taylor Ch. Modernity and the Rise of the Public Sphere [Electronic resource] // The Tanner Lectures on Human Values at Stanford. Stanford, 1991–1992. URL: <http://purl.stanford.edu/bm505cv8929> (date accessed: 26.08.2021).

ных отношений — она является внутренним побуждающим стимулом, активной силой, создающей, строящей эту социальность. Именно с этой позиции можно согласиться с О. Контом в том, что «идеи управляют миром». Культура репрезентирует, то есть представляет в сознании индивида те значимые факты, явления социальной действительности, которые имеют для него интерес и дают ему возможность выстраивать свою жизненную стратегию поведения. Иначе говоря, речь идёт о том, что именно система ценностей и идеалов является той «волшебной призмой», сквозь которую человек видит, воспринимает этот мир и действует в соответствии с данным видением. Проводя принципиальное различие между природной и социальной действительностью, У. Томас и Ф. Знанецкий усматривали его в том, что «... в то время как следствие физического феномена целиком зависит от объективной природы этого феномена и может быть просчитано на основе его эмпирического содержания, то следствие социального феномена зависит к тому же и от субъективной позиции, занимаемой личностью или группой относительно данного явления, и может быть просчитано, если мы знаем не только объективное содержание предполагаемой причины, но также и значение, которое она имеет в данный момент для данных мыслящих существ» [13, с. 345]. Поэтому в процессе деятельности индивид или группа всегда определяют ситуацию, т.е. тот набор ценностей и установок, по отношению к которым эта деятельность планируется и оцениваются её результаты: «Определение ситуации с необходимостью предваряет любой акт воли...» [13, с. 352]. Отсюда и формулируется знаменитая «теорема Томаса» в изложении Р. Мертон: «если ситуации определяются людьми как реальные, они реальны по своим последствиям» [18, с. 380].

Р. Мертон, выдающийся представитель теории структурного функционализма в социологии, обратил особое внимание на феномен «самоисполняющегося пророчества». Действие данного явления особенно хорошо видно на примере экономики, в частности банковской сферы. Недаром экономические кризисы в тот или иной период времени часто начинались именно из-за эффекта самоисполняющегося пророчества, когда устойчивый в финансовом отношении банк оказывался

разорённым благодаря всеобщему ложному представлению вкладчиков о его финансовой несостоятельности. Теорема Томаса вполне адекватно отражает формирование и существование социокультурной действительности в данном обществе. Ведь индивид, определяя свою ситуацию, зависит не только от объективного положения дел, но и от специального «социального словаря», который он застает в данный исторический период и на основе которого формируется его сознание. Данный словарь представляет собой систему взаимосвязанных концептов, представлений, стойких эмоциональных реакций, устойчивых символов и образов, которая даёт возможность акторам упорядочивать свои действия в рамках единого социального организма. Фундаментом для этой системы является ряд ключевых категорий культуры, которые объединяют членов данного сообщества в единый социальный организм. В системе этих категорий культуры важное место занимает категория времени — не только как понятие, но и как концепт.

Каждый человек действует в соответствии с тем, как он понимает и истолковывает реальную ситуацию, в которую он попадает в ходе взаимодействия между членами данного сообщества. Конечно, важнейшую роль здесь играют и объективные материальные условия, и интересы, и устойчивые социальные институты, и системы общественного контроля за поведением и т.д. Но, с другой стороны, немалое значение оказывает система устоявшихся интерпретаций этих условий бытия, возникающих на основе репрезентаций культурных смыслов в тех или иных феноменах социальной действительности. Конечно, любой элемент социальной практики — то ли обладающий новизной, то ли осуществляющийся по традиции — интерпретируется не только с позиций отдельного индивида, но и является показателем как общей культуры данного сообщества людей, так и степени развития (степени приобщения к действующей культуре) этого конкретного человека.

Ф. Тенбрук, обосновывая продуктивность идеи репрезентативной культуры, исходил из того, что «социальная наука может заниматься только репрезентативной культурой, т.е. теми элементами, которые обла-

дают непосредственным общественным значением» [12, с. 101]. Выявление значения, смысла любого социального явления, факта, действия создает возможность рассматривать ситуации действия как тексты. Перспективность такого подхода определяется тем, что позволяет исследователю восстановить утраченную самим действующим индивидом власть над собственными поступками. Утрата этой власти определяется временем, понимаемым как форма, выражающая последовательность и длительность происходящих событий и действий. В данном случае нас интересует время как форма последовательностей действий, ситуаций, событий. Вписанность последовательности действий конкретного человека и результатов этих действий в более масштабную последовательность времён социальных институтов и даже времени общества «плетёт паутину» следов-последствий, не контролируемых самими участниками: «... история становится суммой меток, судьба которых перестает контролироваться индивидуальными акторами. Отныне она может появляться в виде автономной сущности, пьесы, в которой актеры не знают сюжета... Благодаря такому “оседанию” в социальном времени, человеческие деяния превращаются в “институты” с той точки зрения, что их смысл более не совпадает с рациональными интенциями акторов» [8, с. 33]. Принципиально важно, что смысл здесь «депсихологизируется» в той степени, в которой осмысленное становится неотъемлемой частью самого поступка. А применение времени к сфере смыслов становится возможным потому, что само время — это форма не только объективно протекающих процессов, но и форма, выражающая наши представления о них через память (воспоминание о прошлом), созерцание настоящего и предвосхищение будущего. При этом нормы и правила не накладываются «сверху», «извне» на поведение, а вырабатываются в процессе осуществления этих актов деятельности, поскольку они сопряжены со смыслом.

Ф. Тенбрук в теории репрезентативной культуры выделяет два типа этой культуры: моностилистическую и полистилистическую. В рамках такого подхода выявляется специфика существования и функционирования культуры в тоталитарных и демократи-

ческих обществах. Такой методологический подход даёт нам возможность рассмотреть современные формы репрезентации культуры, связанные с переходом от моностилизма к полистилизму. Социокультурная динамика социума начала XXI века ведёт к возникновению множества модификаций стилей жизни в России, что и определяет стилевое разнообразие культуры. Именно полистилизм является, по Л.Г. Ионину, основной характеристикой современной репрезентативной культуры [5].

В соответствии с подходом, объединяющим смысл и темпоральность, можно проследить, как выстраивается жизненный стиль общества, социальных групп и отдельного человека, в котором важнейшую роль играет структурирование и значимость времени в формировании образа жизни людей. Ещё А. Адлер показал, что жизненный стиль есть уникальный способ достижения целей, избираемый личностью; он составляет единый комплекс, заложенный «... в его мышлении, чувствах, действиях, в его так называемом сознательном и бессознательном — в любом проявлении его личных свойств» [15, с. 69]. Понятие «жизненный стиль» отражает как внутренний характер интенций человека, так и различие социальных форм их проявления. В зависимости от специфики стиля жизни индивид активно или пассивно воспринимает и поддерживает существующие в социуме культурные формы.

Заключение. Жизненный стиль является сложной, многосоставной системой, где весьма трудно определить главный системообразующий элемент его становления и утверждения. В качестве одного из основополагающих элементов жизненного стиля мы считаем отношение ко времени, которое фиксируется не в заявлениях, а в реальном распределении всех видов активности человека, что открывает перспективу для изучения жизненных стилей представителей различных социальных групп. Возникает вопрос: насколько непосредственна и тесна реально осуществляющаяся связь интересов и ценностей человека со временем, которое он отводит на различные действия и активности?

В различных социумах выбор жизненного стиля носит свободный или принудитель-

ный характер, но в любом случае в ходе развития общества происходит его усложнение и дифференциация.

Для российского общества, являющегося переходным, характерно разрушение единой программы социализации, в результате чего современная молодёжь оказывается в ситуации неупорядоченности различных стилей жизни, их неустойчивости и гибридности. Достаточно общим для современной российской социологии является вывод о том, что если для старшего поколения характерно преобладание традиционного жизненного стиля, связанного с утверждением важности ценности семьи, выполнения долга, добросовестной профессиональной работы, то для российской молодежи всё более значимую роль играют идеи гедонизма, саморазвития, свободы, самореализации (при этом ценности семьи сохраняются, хотя отодвигаются во времени). Социально активная жизненная позиция далеко не всегда проявляется в обоих поколениях.

С нашей точки зрения, важнейшим интегрирующим моментом формирования жизненного стиля является отношение ко времени и оценка временных модусов — прошлого, настоящего и будущего. Современные российские «социологи жизни», рассматривая жизненные стратегии личности, зафиксировали интегративные, целостные и надситуативные характеристики личности, которые дают ей возможность целенаправленно развиваться в определённом направлении. И хотя жизненные стратегии нацелены на будущее, так как связаны с целеполаганием, жизненный стиль не ориентирован во времени так однозначно. Здесь важную роль играют не только ориентации «от настоящего к будущему», но и «от настоящего к прошлому». В качестве другого основания выделения и классификации стилевых особенностей молодых людей некоторые авторы выдвигают критерий сознательного или неосознанного выбора будущей профессии [14]. Но и этот выбор может иметь разные темпоральные векторы.

Классификация жизненных стратегий на основе временного ориентирования была проведена Т.М. Резник и Ю.М. Резником [7]. Наиболее очевидна при стратегическом планировании ориентация на будущее, которое осмысливается и оценивается таким об-

разом, что ему придаётся особое значение, в связи с чем «работа на будущее» предполагает определённые результаты. Если основой для формирования жизненных стратегий является настоящее, то исходным моментом выступает повседневная жизнь, её оценка, определение значимости тех или иных событий, решение текущих жизненных вопросов. Ориентация на прошлое, то есть ретроспективное ориентирование, включает в себя осознание того, что было, что произошло, его оценивание, выработка некоторых ретроспективных целей, которые распространяются на будущие события.

Таким образом, полистилизм современной культуры является репрезентацией (осознанной или неосознанной) в жизненных практиках и жизненных стилях ценностных ориентаций на смысловую модальность времени: на настоящее, прошлое или будущее.

Список источников

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Браславский Р.Г. Сильная программа в культуросоциологии: между культурализмом и сциентизмом // Социологические исследования. 2021. №2. С. 26–38.
3. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие / 3-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2000. 431 с.
6. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении) / Пер. с фр. И.А. Шапиро. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 256 с.
7. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. №12. С. 100–105.
8. Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. №1. С. 25–43.
9. Романовский Н.В. Историческая социология. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. 320 с.

11. Сноу Ч.П. Две культуры / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1973. 144 с.
11. Сорокин П.А. Социологические теории современности. М.: ИНИОН, 1992. 194 с.
12. Тенбрук Ф. Репрезентативная культура // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. №3. С. 93–120.
13. Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во Международного университета Бизнеса и Управления, 1996. 560 с.
14. Филоненко В.И., Штомпель Л.А., Штомпель О.М. Репрезентативная культура современного российского студенчества // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. №3. С. 221–239.
15. Adler A. Superiority and social interest: A collection of later writings / H. L. Ansbacher & R. R. Ansbacher, Eds. New York: Viking Press, 1964. 432 p.
16. Berry J. W., Poortinga Y. H., Segall M. H., Dasen P. R. Cross-cultural psychology: Research and applications / Second, revised edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 588 p.
17. Giddens A. Central Problems in Social Theory // Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1979. 294 p.
18. Merton R. K. The Thomas Theorem and The Matthew Effect // Social Forces. 1995. Vol. 74(2). P. 379–424.
- capitalism]. Izbrannye proizvedenija [Selected works]. Per. s nem. Moscow: Progress, 1990. P. 61–272. (In Russ.).
5. Ionin L. G. Sociologija kul'tury: put' v novoe tysjacheletie [Sociology of culture: the path to the new millennium]. 3-e izd., pererab. i dop. Moscow: Logos, 2000. 431 p. (In Russ.).
6. Kont O. Duh pozitivnoj filosofii. (Slovo o polozhitel'nom myshlenii) [The spirit of positive philosophy. (A word about positive thinking)]. Per. s fr. I. A. Shapiro. Rostov-on-Don: Feniks, 2003. 256 p. (In Russ.).
7. Reznik T. E., Reznik Ju. M. Zhiznennye strategii lichnosti [Life strategies of personality]. Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]. 1995; (12): 100–105. (In Russ.).
8. Riker P. Model' teksta: osmyslennoe dejstvie kak tekst [Text model: meaningful action as a text]. Sociologicheskoe obozrenie [Sociological Review]. 2008; 7(1): 25–43. (In Russ.).
9. Romanovskij N. V. Istoricheskaja sociologija [Historical sociology]. Moscow: Kanon+, ROOI «Reabilitacija», 2009. 320 p. (In Russ.).
10. Sorokin P. A. Sociologicheskie teorii sovremennosti [Sociological theories of modernity]. Moscow: INION, 1992. 194 p. (In Russ.).
11. Tenbruk F. Reprezentativnaja kul'tura [Representative culture]. Sociologicheskoe obozrenie [Sociological Review]. 2013; 12(3): 93–120. (In Russ.).
12. Snou Ch. P. Dve kul'tury [Two cultures]. Per. s angl. Moscow: Progress, 1973. 144 p. (In Russ.).
13. Tomas U., Znanec'kij F. Metodologicheskie zametki [Methodological notes]. Amerikanskaja sociologicheskaja mysl' [American Sociological Thought]. Moscow: Izd-vo Mezhdunarodnogo universiteta Biznesa i Upravlenija, 1996. 560 p. (In Russ.).
14. Filonenko V. I., Shtompel' L. A., Shtompel' O. M. Reprezentativnaja kul'tura sovremennogo rossijskogo studenchestva [Representative culture of modern Russian students]. Sociologicheskoe obozrenie [Sociological Review]. 2018; 17(3): 221–239. (In Russ.).
15. Adler A. Superiority and social interest: A collection of later writings / H. L. Ansbacher & R. R. Ansbacher, Eds. New York: Viking Press, 1964. 432 p.
16. Berry J. W., Poortinga Y. H., Segall M. H., Dasen P. R. Cross-cultural psychology: Re-

References

1. Bauman Z. Tekuchaja sovremennost' [Fluid modernity]. Saint Petersburg: Piter, 2008. 240 p. (In Russ.).
2. Braslavskij R. G. Sil'naja programma v kul'tursociologii: mezhdru kul'turalizmom i scientizmom [A strong program in cultural sociology: between culturalism and scientism]. Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]. 2021; (2): 26–38. (In Russ.).
3. Veber M. «Ob'ektivnost'» social'no-nauchnogo i social'no-politicheskogo poznanija [«Objectivity» of socio-scientific and socio-political cognition]. Izbrannye proizvedenija [Selected works]. Per. s nem. Moscow: Progress, 1990. P. 345–415. (In Russ.).
4. Veber M. Protestantskaja jetika i duh kapitalizma [Protestant ethics and the spirit of

search and applications / Second, revised edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 588 p.

17. Giddens A. Central Problems in Social Theory // Action, Structure, and Contradiction in

Social Analysis. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1979. 294 p.

18. Merton R.K. The Thomas Theorem and The Matthew Effect // Social Forces. 1995. Vol. 74(2). P. 379–424.

Статья поступила в редакцию 25.11.2022; одобрена после рецензирования 17.12.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted on 25.11.2022; approved after reviewing on 17.12.2022; accepted for publication on 20.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Снежко Галина Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Общая и клиническая психология», Ростовский государственный медицинский университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Суворова, 119

Snezhko Galina Evgenievna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Rostov State Medical University.

119 Suvorova str., Rostov-on-Don, Russia